

он доводит их до «логического конца» и делает выводы о деталях строения Homo sapien-
tissimus. Причем виноват в этом, по утверждению А. П. Быстрова, Г. Ф. Дебед. Та-
кие приемы, число которых можно умножить, не делают чести их автору и вряд ли
допустимы в научной полемике.

Основной вывод автора о том, что человек в дальнейшем развитии не превратится
в новый вид, бесспорен, но нельзя согласиться с тем, что, начиная с появления кро-
маньонца, человеку свойственна лишь индивидуальная изменчивость, ничем не отра-
жающаяся на внешнем облике людей в целом (стр. 310). Факты свидетельствуют
о другом. Выше уже отмечались процессы брахикефализации и грацилизации. К этому
можно добавить изменение роста, соотношения поперечных диаметров лица и черепа
и др. Эти изменения носят расогенетический характер, исторически приурочиваются
к определенным территориям и времени и связаны со средой в широком смысле. Меха-
низмы изменения определенных признаков пока еще трудно объяснимы, но дальней-
шее развитие науки сумеет найти ответ и на эти вопросы. Поэтому напрасно
А. П. Быстров обвиняет в идеализме исследователей, отмечающих такие изменения,
но не умеющих их объяснить (стр. 312).

В книге имеются и другие недостатки. Так, автор приводит обширную библиогра-
фию, которая в первой части дается в конце глав, а во второй и третьей — в конце
частей. В главе «Млекопитающие» список литературы вообще отсутствует. К главам
«Обезьяны и человек», «Расы» библиография явно недостаточна. Недопустимо, напри-
мер, отсутствие указаний на антропологические работы советских исследователей
А. П. Быстров приводит лишь два учебных пособия: «Антропология» (В. В. Бунак,
М. Ф. Неструх, Я. Я. Рогинский, М., 1941) и «Основы антропологии» (Я. Я. Рогинский,
М. Г. Левин, М., 1955), но материал из книг, приведенных автором в библиографии,
практически не использован. Этим объясняются многие указанные выше недостатки.

Книга хорошо иллюстрирована рисунками и краниограммами. К сожалению, автор
пренебрег общепринятыми в международной литературе правилами помещения кранио-
грамм во франкфуртской горизонтали, что сильно затрудняет пользование ими, осо-
бенно при сравнении.

В заключение еще раз отметим, что рецензируемая книга делится на две неравно-
значные по объему и содержанию части. К первой относятся главы, посвященные
палеонтологии позвоночных и морфологии человека, содержащие обширный и ценный
фактический и теоретический материал. Эти главы рассчитаны на специалистов и при
известной морфологической подготовке читаются легко и с большим интересом. Ко
второй следует отнести главы, касающиеся происхождения человека и рас, а также
большую часть раздела «Будущее». Эта часть является весьма плохой популяризацией
данных антропологии и содержит ряд серьезных ошибок и недостатков. Она ничего
не дает специалистам и дезориентирует рядового читателя.

И. И. Гохман.

М. М. Герасимов. *Опыт воспроизведения документального портрета по скелету
из Панджруда*. Сталинабад, 1958, 98 стр.

Общепризнанным в настоящее время стало представление о том, что наиболее круп-
ные и интересные научные открытия делаются в областях, пограничных между раз-
личными отраслями науки. Синтез биологии и химии, химии и физики, филоло-
гии и истории привел к созданию новых научных дисциплин и ознаменовался рядом
блестящих открытий. Однако творческие перспективы комплексного решения научных
проблем не исчерпываются взаимопроникновением соседних областей знания. Иногда
далекие и, казалось бы, несопоставимые отрасли науки находят друг друга, и тогда
возникают совершенно неожиданные точки приложения творческих сил человека,
вроде подводной археологии или астроботаники.

Ярким результатом такого необычайного синтеза — синтеза антропологии и фило-
логии является новая книга М. М. Герасимова. В ней антрополог помогает филологу
открыть не замеченные ранее детали в литературных произведениях Рудаки, а фи-
лолог подсказывает антропологу путь, по которому следует идти в воссоздании прав-
дивого портрета великого поэта. В этой книге анатом говорит с нами языком анато-
мических терминов — и перед нами встает, точно чудом вызванная из небытия, живая
фигура основоположника таджикско-персидской литературы, а внимательный чита-
тель касды Рудаки открывает нам все новые и новые черточки, дополняющие его
образ. В книге мы находим счастливое сочетание полноты научной аргументации и не-
посредственного ощущения далекой эпохи; при таком сочетании великие деятели
прошлого встают перед нами во всем богатстве жизненных деталей своего облика,
а сама эпоха дана не как нудный перечень дат и имен, а как живая картина, полная
обаяния и романтики.

Новая книга М. М. Герасимова рассказывает об обстоятельствах, связанных с
отысканием могилы Абу-Абдулло Рудаки и созданием его документального портрета.

В 1956 г., в связи с подготовкой к празднованию 1100-летнего юбилея классика персидско-таджикской литературы, М. М. Герасимов получил приглашение принять участие в поисках могилы Рудаки и в случае счастливого завершения этих поисков восстановить по найденному скелету скульптурный портрет поэта. Поскольку точное местонахождение его могилы не было известно, М. М. Герасимов предпринял тщательное изучение всех дошедших до нас произведений Рудаки. В результате оказалось возможным представить себе некоторые детали физического облика поэта, которые ускользали от внимания филологов. Так, в одном из литературных источников XIII в. сообщается, что Рудаки был слеп от рождения. Так как близкие современники Рудаки — Дакики, Фирдоуси, Насир Хосров и др. пишут о нем как о слепом, этот факт почти никогда не вызывал сомнений. Однако внимательное сопоставление ранних и поздних стихов Рудаки позволило М. М. Герасимову сделать любопытное наблюдение о разной образно-стилистической системе тех и других. Если в поздних касыдах Рудаки действительно полностью отсутствуют какие-либо зрительные образы, то ранние его произведения, наоборот, заполнены красочными эпитетами и сравнениями, говорящими о тонком и глубоко восприятии цветового многообразия мира. Мог ли слепой от рождения человек создать такие стихи? Очевидно, нет, и М. М. Герасимов делает из этого убедительный вывод, что Рудаки потерял зрение уже взрослым. Изучение М. М. Герасимовым некоторых строк одного из последних произведений поэта — «Касыды о старости» позволило ему сделать вывод, что потеря зрения, по-видимому, явилась результатом насильственного ослепления, что Рудаки еще при жизни потерял все зубы и что их потеря произошла сразу, а не постепенно. Все это давало М. М. Герасимову возможность выработать объективные критерии в установлении факта идентификации какого-либо погребения с действительным погребением Рудаки. Эти данные, дополненные скудными сообщениями письменных источников о том, что могила поэта находится, по-видимому, в селении Панджруд где-то за старым садом и что над ней раньше стоял мазар, позволили М. М. Герасимову предугадать, какими особенностями должно отличаться найденное погребение, чтобы оно могло быть с достаточной определенностью приписано Рудаки. К числу этих признаков он отнес неперенное нахождение могилы за садом в селении Панджруд, наличие следов мазара над ней, отсутствие в ней более поздних захоронений, свидетельствующее о почитании народом этого места, старый мусульманский обряд погребения, мужской пол и старческий возраст захороненного, полное отсутствие зубов и следы их одновременной потери в строении челюстей, а также наличие компенсаторных изменений в скелете и черепе, связанных со слепотой. И результаты раскопок, предпринятых в Панджруде, подтвердили этот прогноз с такой точностью, какая обычно является достоянием физического эксперимента.

Над погребением, раскопанным в селении за стеной старого сада, действительно сверху оказались следы разрушенного мазара и полностью отсутствовали впускные захоронения. Состояние арчьевого перекрытия и обряд захоронения свидетельствовали о том, что захоронение произведено около 1000 лет назад. Лежавший в могиле скелет, несомненно, принадлежал мужчине, умершему в возрасте 70—80 лет. И нижняя, и верхняя челюсти характеризовались полным отсутствием зубов.

Тщательное изучение скелета и черепа в лабораторных условиях показало, что они имеют ряд особенностей, говорящих о правильности предположений М. М. Герасимова. На обеих челюстях имеются тонкие гребешки, идущие по альвеолярному краю и, по-видимому, свидетельствующие об одновременном или почти одновременном выпадении зубов. Чрезвычайно сильное развитие сосцевидных отростков и сильно оттянутых вниз сочленованных поверхностей основания черепа являются доказательством своеобразной походки с высоко поднятой головой, свойственной слепым. Строение позвоночника указывает на то, что торс был резко выпрямлен и откинут назад, что опять-таки характерно для походки слепого человека. Слепота обнаруженного в могиле субъекта подтверждается и атрофией верхнего края глазниц.

Все перечисленные особенности позволяют предположить, что раскопанный М. М. Герасимовым скелет действительно принадлежал Рудаки. Вторая половина книги посвящена подробно описанию этапов восстановления документального портрета великого поэта. Впервые в своей практике М. М. Герасимов не ограничился реконструкцией портрета по черепу, а использовал ребра, позвонки и кости плечевого пояса для того, чтобы документально воспроизвести верхнюю половину фигуры. Как всегда, скупые, но продуманные детали костюма дополняют общее впечатление.

Перед нами типичный таджик. Он много знал и много пережил. Закрытые глаза его не видят мира, но он описывает действительность так, что зрячие восторгаются яркостью и точностью его описаний. Лоб прорезает длинные морщины — следы душевных потрясений и глубоких раздумий. Таким воссоздал образ Рудаки М. М. Герасимов. В объективно воспроизведенный портрет он внес черты тонкой интеллигентности и богатых переживаний. Поэтому бюст Рудаки воспринимается не только как достижение антрополога, но и как большой творческий успех скульптора.

Есть в книге и спорные места. Так властно приковывает автор внимание читателя к процессу работы, так увлечен ею сам, что не всегда он отделяет гипотезу от твердо установленного факта. То, что Рудаки был ослеплен насильственно, вполне возможно, даже весьма вероятно. Но все-таки это менее достоверно, чем, скажем, отдельные детали реконструкции. Переломы ребер и позвонков, по-видимому,

ействительно связаны с какой-то насильственной травмой. Но связь их с ослеплением является лишь более или менее вероятным предположением.

Попадают и мелкие недосмотры. На стр. 40 череп с черепным указателем 83,2 назван среднешироким. В таблице на той же странице отсутствует величина высоты згиба скуловой кости. Но все это — мелочи, которые легко могут быть исправлены при повторном издании книги. Издательство АН СССР сделало бы хороший подарок советскому читателю, если бы переиздало книгу М. М. Герасимова, изданную в Сталинабаде в количестве 1000 экземпляров и уже сейчас ставшую библиографической редкостью.

В. П. Алексеев

НАРОДЫ СССР

М. К. Азадовский. *История русской фольклористики*. Под общей редакцией Э. В. Померанцевой. М., Учпедгиз, 1958, 478 стр.

Изданный посмертно фундаментальный труд проф. М. А. Азадовского является итогом его многолетних исследований. В кругу научных интересов М. К. Азадовского история фольклористики всегда занимала одно из основных мест. Ему принадлежит заслуга изучения прогрессивной, революционно-демократической линии в русской фольклористике XVIII—XIX вв. М. К. Азадовский в ряде работ показал большое теоретическое значение высказываний по фольклору Радищева, декабристов, Пушкина, революционных демократов, определил их место и значение в истории русской фольклористики. В указанном М. К. Азадовским направлении пошла работа его учеников и последователей. Однако все эти работы посвящены отдельным ученым и писателям или объединениям, кружкам и пр. Рецензируемый труд представляет первое в советской науке целостное, написанное с марксистских позиций, изложение истории русской фольклористики от ее зарождения до середины XIX в.

Основные принципы исследования изложены М. К. Азадовским во «Введении». Предметом его изучения являются не только научные труды по фольклору в собственном смысле этого слова, но также работы и высказывания писателей, публицистов, историков и пр., обращавшихся к народной поэзии, выдвигавших и разрешавших отдельные ее проблемы. Такое расширенное понимание фольклористики закономерно; оно придает исследованию полноту и позволяет более глубоко и всесторонне представить процесс развития науки о народном поэтическом творчестве.

Фольклористику М. К. Азадовский признает самостоятельной отраслью знания, но подчеркивает ее неразрывную связь с этнографией и литературоведением. «Сам фольклор тесно связан с литературой и с этнографией. Неотделимый от литературы по своему идейному и художественному значению, фольклор в то же время нельзя отделить и от этнографии, он связан с ней и как памятник народного быта и как памятник исторического прошлого» (стр. 35). Связи фольклористики с этнографией и литературоведением прослеживаются на протяжении всего исследования.

Историю фольклористики М. К. Азадовский рассматривает в связи с историей общественно-политической борьбы, с идейными течениями эпохи. В этом отношении он примыкает к А. Н. Пыпину, впервые поставившему явления фольклористики и этнографии в связь с общественными движениями. Но А. Н. Пыпин писал свой труд, когда он отказался от революционно-демократических убеждений и перешел на либеральные позиции. Как справедливо пишет М. К. Азадовский, «общественные проблемы уже утратили в его книге ту политическую и социальную остроту, которая была характерна для него самого в первый период его деятельности» (стр. 22). Поэтому он не всегда мог правильно объяснить и оценить приводимые факты, а в ряде случаев (особенно при изложении истории фольклористики и этнографии последнего периода) ограничивался формальными определениями. М. К. Азадовский прослеживает связи с общественными течениями последовательно, каждый отмеченный факт получает объяснение и правильно оценивается.

Характеризуя направления в фольклористике и деятельность отдельных лиц, М. К. Азадовский не упрощает их взглядов, а показывает их во всей сложности. Так, он отмечает, что отношение к фольклору передовых деятелей русской культуры, при общей прогрессивной, революционной направленности, отличается и известной ограниченностью, порой противоречивостью, а представители умеренных и консервативных политических убеждений сделали ряд ценных наблюдений о природе и художественных особенностях народного творчества (так оценивается деятельность Н. М. Карамзина, А. Шишкова, славянофилов и др.). Выявляется и своеобразие подхода к народному творчеству крупных ученых и писателей.

Новая порою интерпретация фактов, введение в научный оборот ряда новых фактов и имен составляют важное достоинство разбираемого исследования. Основное же значение и ценность его состоят в том, что в нем весь процесс развития русской фольклористики предстает в новом свете. В работах начала XX в. история фольклористики представлялась как последовательная смена школ: мифологической, мигра-